

ПОЭТ БОРИСОВ-МУСАТОВ

Вестник Калуги 2002 - 17 янв.

Не всем это известно, но Виктор Эльпидифорович Борисов-Мусатов, знаменитый русский живописец, писал стихи. К примеру, увидел он однажды в собрании Сергея Третьякова картину французца Бастьена-Лепаж - тот час были сочинены вирши:

*Давно ли был мой идеал -
Учитель Коновалов наш,
Но в Третьяковке бывал -
В душе один Бастьен-Лепаж.*

А позднее он же, «маленький, горбатый, с худощавым, бледным лицом» (так описывал его Игорь Грабарь), вновь пишет стихи - в одиночестве, в глуши, в Саратове:

*Спокойствие душу объемлет,
И я никуда не иду.*

*Здесь концерты, вечера,
спектакли, скандалы.*

*Саратовцы, судя по газетам,
мятутся,*

*Мянутся мои бедные
односельчане,*

*А я сижу дома и задаю концерты
себе одному.*

*В них вместо звуков - все краски,
А инструменты -*

*кружева, и шелк, и цветы.
Я импровизирую*

*на фоне фантазии...
... Где я найду моих женщин
прекрасных?*

*Чьи женские лица и руки
жизнь дадут моим мечтам?*

*И я никуда не иду.
Спокойствие душу объемлет...*

Такие вот стихи. Наивно-искренние, неумело скроенные. А все-таки веет от них живым поэтическим чувством.

И еще один образчик мусатовского стихотворчества - рифмованный пересказ первоначального содержания не слишком удачной картины «Гармония»:

*Складки, фижмы, девы молодые,
кружева,*

*Пурпур яркий
в строгом облаке горит,*

*Косы, букли, кринолины,
откидные рукава,*

*В центре «он»,
затянутый в атлас, стоит...*

Стихотворение это в равной мере напоминает и какую-нибудь «текстовку» из журнала мод, и эпическое перечисление греческих кораблей в «Иллиаде» Гомера. То самое, которое, как известно, даже Мандельштам досчитал лишь до половины. Право же, немножко смешно это: «Косы, букли, кринолины, откидные рукава...», а вместе с тем совершенно ведь очевидно, что в каждом таком слове слышалось Мусатову нечто прекрасное, музыкальное, поэтическое

Автопортрет с сестрой. 1898

кое - он перечисляет слова так, как будто жемчужины и бриллианты перебирает.

Не думаю, что когда-нибудь стихи Мусатова будут включаться в антологию поэзии серебряного века. Это прежде всего дневниковые и рабочие записи, на поэтический лад разукрашенные. Мусатов ведь и вообще любил писать, а вероятно, и говорить красиво. Порой даже слишком красиво. Вот, например, как описывается им замесел росписей «Времена года»: «Левая сторона. Картина I. Весенняя сказка. Стремление к красоте. Утро радостное. Юные игры: Две молодые подружки ловят белых мотыльков. Третья подбирает букет: рвет лепесточки. Светлые платья как лепестки весенних цветов. На острове группа берез плачущих с прозрачными тонкими ветвями...» Ну и так далее.

Напиши такое кто-нибудь другой, а не прекрасный горбун Мусатов, я бы сказал: это сахарная патока, это пошлость! Но тут-то случай совершенно особый. Потому хотя бы, что ни грамма патоки, ни грамма пошлости нет в живописных работах (увы, лишь предварительных, эскизных), которые столь изящно, «шарманно» предопределил художник.

Да, в стихах своих, в быту Мусатов часто тяготел к красивости. Даже одевался он щеголевато - с петербургским, будто бы с парижским шиком. Это, кстати, понятно и простительно: не надо забывать, что вырос он только что не в лакейской - его отец и мать были слугами отставного генерала Шахматова.

Тем не менее в живописи Мусатова это щегольство, этот провинциальный шик почти никак не отзываются. Тут все веет настоящей красотой, не красотью. Тут Мусатов истинный и блистательный поэт. Картины этого художника-мечтателя насыщены событиями. Разве появление «призраков» в старинной безлюдной усадьбе - это не событие? А «юные игры» прекрасных девушек? А томительные обмены взглядами, немые беседы? Конечно, это события совершенно особого рода - внебытовые, очищенные от всяческой прозы. Но тем не менее события. Как и «отблеск заката» (так называется одна из мусатовских картин) или тихое угасание природы - любимейший мотив художника. Опять же события - только природные, пейзажные.

Умело соединенные и «за-

рифмованные», события эти оставляют сюжеты живописных «стихотворений». Сюжеты многозначительные и многосложные, всецело слитые со стихиями живописи. Тишайшие события, легчайшие трепетания мажков, согласованные течения линий претворяются в мерцание глубинных смыслов: дали начинают мыслиться как бесконечность, осеннее угасание - как сон, как умирание...

Конечно, не сразу живописец Мусатов стал истинным поэтом. «Гобелен» 1901 года - вот, пожалуй, первый образец мусатовской живописной лирики. И, может быть, самые прозрачные, самые поэтические образы созданы художником незадолго до смерти - в Тарусе. Этюд «Венки васильков», вдруг начатый и незаконченный «Реквием» и «Осенняя песнь» - из всех лирических русских пейзажей наилричнейший.

Про эту пейзажную пастель, хранящуюся ныне в Третьяковской галерее, Нестеров написал: «Такая картина цены не знает. Это Божьей рукой писано!» И впрямь, когда глядишь на эту картину, кажется, что не живопись это уже, а живой дух, живое Слово...

Владимир ОБУХОВ.